

И.В. Вачков

Сказка в работе психолога: определение и типология

Вачков Игорь Викторович — доктор психологических наук, профессор МГППУ, главный редактор газеты «Школьный психолог», президент Сообщества сказкотерапевтов.

В статье всесторонне анализируется сказка как феномен культуры в историческом и психологическом аспектах. Описываются возможности использования сказки в работе педагога, психолога, психотерапевта.

Что же такое сказка?

Прежде чем начать наш разговор о возможностях сказки как развивающего и психотерапевтического средства, давайте вспомним одну старую восточную притчу. «Странствующий искатель истины увидел большой камень, на котором было написано: “Переверни и читай”. Он с огромным трудом перевернул тяжелый камень и прочел на другой стороне: “Зачем ты ищешь нового знания, если не обращаешь внимания на то, что уже знаешь?”» [5]. О чем эта притча? Может быть, как раз о сказках? Ведь все мы стремимся узнать нечто новое, познакомиться с последними разработками в области педагогики и психологии, использовать неизвестные ранее технологии. Но часто забываем о том, что нам известно с самого раннего детства, — о сказках. Мы знаем их, но не обращаем внимания на это знание, считая его уже использованным багажом. Но это не так. В сказках для нас есть еще много неоткрытого и невостребованного.

Выполните простое задание. Возьмите лист бумаги и напишите на нем слово «сказка». А теперь запишите те ассоциации, которые возникли у вас в связи с этим словом, может быть, определения этого понятия, может быть, названия конкретных сказок — в общем, что захотите, что приходит в голову, когда вы слышите «сказка». Что у вас получилось? Наверное, возник ассоциативный ряд примерно такого плана: «детство», «теплота», «бабушка», «радость», «вымысел», «страшно».

А теперь попробуйте дать четкое и исчерпывающее определение сказки... Это задание оказалось посложнее? Удивительный парадокс: мы все с детских лет прекрасно знаем, что такое сказка, но сформулировать четкое определение оказывается для нас весьма затруднительным.

Давайте попробуем обратиться к ученым и выяснить, как же трактуется сказка в науке. Вот несколько определений сказки, взятых из разных источников:

- «вымышленный рассказ, небывалая и даже несбыточная повесть, сказание» [3];
- «повествовательное, обычно народно-поэтическое, произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил» [9];

- «повествовательное произведение устного народного творчества о вымышленных событиях, иногда с участием волшебных фантастических сил» [11];
- «один из основных жанров устного народно-поэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое художественное произведение волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел» [6];
- «краткая, поучительная, чаще оптимистичная история, включающая правду и вымысел» [8];
- «произведение, в котором главной чертой становится «установка на раскрытие жизненной правды с помощью возвышающего или снижающего реальность условно-поэтического вымысла» [1];
- «абстрагированная форма местного предания, представленного в более сжатой и кристаллизованной форме... Изначальной формой фольклорных сказок являются местные предания, парапсихологические истории и рассказы о чудесах, которые возникают в виде обычных галлюцинаций вследствие вторжения архетипических содержаний из коллективного бессознательного» [12].

А вот одно из самых последних определений: «Сказка — литературный жанр, возникший из народного творчества, который характеризуется: включением ирреальных персонажей, событий и условий (пространство, время, обстоятельства), наличием многозначных символических образов и метафор, а также имеет строго определенный сюжетный сценарий, сформированный на общей базовой интенции, которая выстраивается в зависимости от представлений о судьбе, определяющей степень свободы героя сказки; отношения к тому или иному герою или явлению как архетипическому» [7].

Итак, далеко не полный перечень определений сказки позволяет увидеть и разнообразие подходов, и почти полностью совпадающие взгляды. Обращает на себя внимание стремление авторов толковых словарей указывать на фольклорное происхождение сказки, но не фиксировать в определении такой вид сказки, как авторская. Эта позиция представляется не вполне правомерной, тем более что в статьях о сказке, как правило, обязательно упоминаются сказочные произведения Пушкина, Гофмана, Андерсена и др., ставшие неотъемлемой частью литературного наследия всего человечества.

Чуть ли не единственной характеристикой сказки, встречающейся почти во всех определениях, является **вымысел**. Разница состоит, в основном, в акцентировании цели вымысла и его значения: или как условно-поэтического, или символического, или как ориентированного на активное переплетение с правдой.

Но при таком широком толковании термина «сказка» получается, что мы можем отнести к сказкам и все фантастические произведения, и детекти-

вы, да и вообще — любые произведения, описывающие какие-то истории и содержащие правду и вымысел! Ведь, скажем, бывшие одно время очень популярными аргентинские и мексиканские сериалы — что, если не сладкая сказка? Получается, что сказка окружает нас всюду! И взрослые, которые пренебрежительно отзываются: «Сказки — это для детей», — а сами вечерами зачитываются романами в стиле «Фэнтези», на самом деле очень любят сказки. Наверное, не будет слишком большим отступлением от истины, если заявить, что нет людей, которые не любили бы сказок.

Пожалуй, наиболее строгим и точным является определение сказки, предложенное А.Е. Наговицыным и В.И. Пономаревой, однако, следует признать его некоторую тяжеловесность.

Простой и в то же время логически обоснованный взгляд на сказку предлагает И.Б. Гриншпун. Он полагает, что с психологической точки зрения под сказкой целесообразно понимать некую историю, содержащую невозможные или неправдоподобные, с точки зрения читателя (слушателя), события или явления, причем такие, к которым неприменимы попытки рационального объяснения с помощью науки (апелляция к научно-техническому прогрессу) или житейского здравого смысла (это приснилось или привиделось). Говорящая голова в «Руслане и Людмиле» сказочна; говорящая голова профессора Доуэля в романе А. Беляева — нет. «Алиса в стране чудес» перестает быть сказкой с того момента, как выясняется, что все это — сон; но до того (а это практически все повествование) она, несомненно, сказка.

И.Б. Гриншпун намеренно делает акцент на позиции читателя, а не автора сказки. При известных обстоятельствах сказочной может показаться вполне реалистическая история — например, при значительной разнице культурных контекстов написания и восприятия. Точно так же, в силу особенностей убеждений читателя, вымышленные автором события могут рассматриваться как реальные. По мнению И.Б. Гриншпуна, то, что возникало как миф, может восприниматься как сказка; в свою очередь, то, что сочинено как сказка, может для кого-то стать мифом, то есть обрести субъективный статус не подвергаемой сомнению реальности.

В дальнейшем изложении материала я буду ориентироваться именно на такое понимание сказки.

Подходы к типологии сказок

Не менее важным вопросом для понимания сущности сказок и законов сказочного мира является вопрос о классификации сказок. Однако и в этом вопросе у исследователей нет единства позиций. Сравним несколько типологий сказок, предложенных разными специалистами.

Финский ученый А. Аарне на материале европейских сказок вывел следующие типы сказок:

1. о животных;

2. волшебные;
3. легендарные;
4. новеллистические;
5. об одураченном черте;
6. анекдоты.

С. Томпсон, американский исследователь, предложил расширенный список сказок, выделяя следующие ее виды:

1. сказки о животных, растениях, неживой природе и предметах;
2. волшебные сказки;
3. легендарные сказки;
4. новеллистические (бытовые) сказки;
5. сказки об одураченном черте;
6. анекдоты;
7. небылицы;
8. кумулятивные сказки¹;
9. докучные сказки².

Самой, пожалуй, известной в России является систематизация русских сказок, разработанная В.Я. Проппом. По его мнению, типология сказок должна выглядеть следующим образом:

1. волшебные;
2. кумулятивные;
3. о животных, растениях, неживой природе и предметах;
4. бытовые или новеллистические;
5. небылицы;
6. докучные сказки.

Современная наука различает следующие типы сказок:

1. о животных;
2. волшебные;
3. новеллистические;
4. легендарные;
5. сказки-пародии;
6. детские сказки.

Даже беглый взгляд на эти типологии позволяет заметить, что, во-первых, ни одна систематизация не является исчерпывающей, то есть, не включает все типы сказок (например, в типологиях не упоминаются богатырские сказки или «заветные», играющие важную роль не только в русском фольклоре, но и у других народов): во-вторых, критерии типологии часто размыты или меняются в процессе классификации (в качестве жанровых признаков выступают то композиционные особенности сказки, то состав персонажей, то конкретный сюжет).

Оптимальной была бы такая классификация сказок, которая включала бы и фольклорные, и литера-

турные сказки (в том числе, авторские терапевтические) и опиралась бы на ясные и четкие критерии. Попытку разработать такую классификацию предприняли А.Е. Наговицын и В.И. Пономарева. Кратко опишем суть этой систематизации.

Типологизация сказки, предпринятая авторами, основана на структурно-функциональном подходе. Он заключается в следующем. Поскольку каждая сказка имеет свою целевую функцию, постольку эта функция может выступать непротиворечивым критерием для категоризации сюжетов. Авторы указывают несколько уровней типологии, в первом из которых можно выделить три основных класса: первичные сказки, вторичные сказки и псевдосказки. К первичным относятся те, что изначально создавались по законам жанра, т. е. в виде сказок со своими специфическими целями и задачами, ко вторичным — возникшие в результате трансформации из других жанров. Псевдосказки — это нетрансформированные тексты, которые не отвечают всем признакам сказки.

Первичные сказки делятся на инициационные, назидательные и авантурные. Инициационные сказки, выделенные из так называемых волшебных, в качестве целевой функции имеют преображение героя в результате инициации, в том числе, путем получения права на брак и «воцарения». Назидательные сказки в качестве ведущей функции имеют передачу основных этических и религиозно-моральных устоев, примеров правильного и неправильного поведения в обыденных и экстремальных ситуациях. Авантурные сказки направлены на развлечение, показ способов выхода из сложных ситуаций, обличение пороков и презентацию надежды на получение помощи.

В классе *вторичных* сказок авторы типологии выделяют протосказки, легендарно-эпические (сказки исторического происхождения), новеллистические сказки. Протосказки возникают в результате профанизации сакральных историй (мифов, ритуалов, шаманских видений, мифологизированной истории народа) и включают в себя мифо-ритуальные, социально-мифологические и шаманские сказки. Легендарно-эпические сказки (сказки исторического происхождения) реализуют идею национального самосознания через презентацию культурного героя как образца национального поведения и включают легендарные и былинно-эпические сказки. Новеллистические сказки, также входящие в класс вторичных, представляют собой превращенные в сказку различные истории, которые изначально могли иметь вид быличек, бывальщин, новелл и новеллистических рассказов, историй-анекдотов и т. д. Целевая функция, объединяющая этот тип: развлечение, обучение правильному поведению в различных ситуациях, обличение пороков.

¹ «Цепочная» сказка, содержащая многократное повторение одних и тех же действий или элементов, например, «Репка».

² Докучная сказка — сказка, в которой многократно повторяется один и тот же фрагмент текста. Например, «Сказка про белого бычка»

В классе *псевдосказок* представлены сюжеты, имеющие сходство со сказками, но из-за цепевидной сюжетной константы или полного отсутствия сюжетной линии таковыми не являющиеся. К псевдосказкам относятся небылицы, докучные сказки, басни и притчи, детские сказки-страшилки, сказки-этюды.

Дальнейшая систематизация сказок, скрупулезно проведенная А.Е. Наговицыным и В.И. Пономаревой, позволяет переходить на второй и последующие уровни типологии, на которых рассматриваются подвиды сказок и конкретные сказочные сюжеты, относимые к определенному типу. В силу сложности и объемности классификатора, разработанного авторами, в данной статье он приводиться не будет.

Классификация сказок в сказкотерапии

В настоящее время среди сказкотерапевтов широко известна типология сказок, предложенная Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой, которая включает в себя художественные (народные и авторские), психотерапевтические, психокоррекционные, дидактические, медитативные.

Как справедливо указывает сама Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева, художественные сказки имеют и дидактический, и психокоррекционный, и психотерапевтический, и даже медитативный аспекты. Уже этот факт, на наш взгляд, свидетельствует о некоторых недостатках предлагаемой ею типологии сказок, главным из которых является неясность критерия классификации. Действительно, если народные сказки (и плюс к ним мифы, притчи, истории) отнесены к художественным, то, получается, что они не могут быть психотерапевтическими, в то время как их терапевтический потенциал часто значительно превосходит возможности многих специально созданных в лечебных целях сказочных историй. Кроме того, остается не вполне ясным, почему группа «авторские» выделяется только в этом виде сказок, хотя, очевидно, что они присутствуют и в других видах.

На наш взгляд, более правомерным было бы разделение всей совокупности сказок на фольклорные и авторские. При этом в обоих типах сказок можно выделить художественные, дидактические, психокоррекционные, психотерапевтические и психологические. Основным критерием классификации может служить такой очевидный параметр, легко выделяемый почти в любой (особенно в авторской) сказке, как цель воздействия сказки на слушателя (читателя).

Как легко увидеть, нами введен еще один вид сказок, которого нет в типологии Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой: психологические сказки.

Если говорить точнее, то наши притязания связаны с желанием обосновать допустимость рассмотрения нового вида сказки — **сказки психологической**, которая не сводится ни к художественной (авторской), ни к психотерапевтической. Хотя, думается, такая сказка должна быть и художественной по форме, и содержать в себе психотерапевтический

потенциал. Балансируя на грани литературного творчества, дидактической работы и психотерапии, психолог-сказочник должен своей целью видеть создание особого сказочного психологического мира, понятного ребенку.

Целями психологической сказки являются: раскрытие перед ребенком глубин его собственного внутреннего мира, развитие его самосознания, знакомство с основными психологическими понятиями, помощь на пути становления его личности.

Итак, в качестве **рабочего определения психологической сказки** можно принять следующее: *содержащая вымысел авторская история, содействующая оптимальному ходу естественного психического развития детей и содержащая в метафорическом виде информацию о внутреннем мире человека.*

Пример психологической сказки вы можете найти в приложении.

Правомерно ли говорить о новом типе сказок, новом по отношению к традиционно выделяемым специалистами?

Покажем, чем отличаются психологические сказки от дидактических, психотерапевтических и психокоррекционных.

Психологические и дидактические сказки

Сходство психологических с дидактическими сказками заключается в том, что 1) форма сказки нужна для преподнесения некоторых новых знаний; 2) используется тот же прием одушевления абстрактных символов и создается образ сказочного мира, в котором они живут; 3) оба вида сказок раскрывают смысл и важность определенных знаний.

Различие между ними определяется следующими моментами: 1) если в дидактических сказках «упаковывается» учебный материал, связанный с объектами внешнего мира, то психологические являются носителями материала о внутреннем мире человека — его душе, психике, и этот материал может быть как учебным, так и личностно развивающим; 2) в дидактических сказках одушевляются абстрактные символы «внешнего» для ребенка характера (цифры, звуки, буквы, арифметические действия и т. д.); в психосказках — абстрактные символы, обозначающие «внутренние» психические феномены (мышление, память, способности, переживания и т. д.); 3) дидактические сказки практически всегда содержат определенное задание учебного характера, которое должен выполнить ребенок; для психологических это не является обязательным.

Психологические и психокоррекционные сказки

Согласно Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой, психокоррекционные сказки создаются для мягкого влияния на поведение ребенка; при этом под коррекцией она понимает «замещение» неэффективного стиля по-

ведения на более продуктивный, а также объяснение ребенку смысла происходящего. Такая трактовка понятия психокоррекции представляется не вполне справедливой, поскольку изменение поведения выступает целью ряда бихевиористски ориентированных направлений психотерапии (именно поэтому такие сказки на Западе носят название психотерапевтических историй), а значит, стирается грань между терапией и коррекцией, теряется основание для выделения психокоррекционных сказок в отдельную группу. Однако, если принять несколько иное понимание психокоррекции — как психологического воздействия на отдельные структуры психики с целью позитивного изменения, — то такой вид сказок, как психокоррекционные обретает право на существование. Под целями такими сказок мы будем подразумевать продуктивное влияние на решение детьми и подростками психологических проблем, одним из последствий которого должно стать изменение поведения.

Сходство психологических сказок с психокоррекционными можно найти в следующем: 1) и в том, и в другом случае события, происходящие с героем (героями), должны быть похожими на реальные ситуации из жизни детей; 2) ребенок через сказку обретает возможность осознать свои собственные переживания, отдельные психологические характеристики; 3) альтернативные модели поведения, понятые благодаря сказке, помогают ребенку увидеть разные грани возникающих ситуаций и найти в ней новые смыслы.

Различия между этими типами сказок могут быть обнаружены в: 1) отсутствии в психологических сказках прямой аналогии между жизнью ребенка и сказочного героя в силу большей обобщенности сюжета; 2) разной целевой ориентации: у психологической — на личностное развитие путем осознания своих особенностей, у психокоррекционной сказки — на изменение психических структур ребенка в сторону желательную для психолога; 3) более объемной области предполагаемых изменений ребенка в результате воздействия психологической сказки — не только в конкретных поведенческих проявлениях, как в случае психокоррекционных сказок, но и в изменении смыслов и ценностей.

Психологические и психотерапевтические сказки

Сходство этих двух видов сказок, пожалуй, более значительно, чем различие. Его можно увидеть при анализе следующих моментов: 1) обращение к глубинному Я ребенка, его важнейшим смыслообразующим содержаниям; 2) стремление помочь в более осознанном отношении к самому себе, миру, другим людям, а при необходимости — в изменении этого отношения; 3) оказание психологической поддержки и избавление от страданий и негативных переживаний, связанных с какой-либо проблемной жизненной ситуацией или психоэмоциональной травмой.

Различия психологических и психотерапевтических сказок имеют, по-видимому, не принципиальный характер и заключаются в следующем: 1) психологические сказки не являются прямой аналогией индивидуальных эго-процессов конкретного человека (разумеется, если не брать во внимание неизбежные проекции самого автора), а для многих психотерапевтических сказок это очень важно; 2) психологические сказки в большей степени ориентированы на задачи улучшения качества обычной жизни ребенка и его развитие по сравнению с психотерапевтическими, особенно нужными именно в ситуации жизненных трудностей; 3) психологические сказки, как правило, пишутся автором-психологом, а психотерапевтические часто создаются самим клиентом.

Итак, выявленные посредством анализа специфические черты психологических сказок позволяют говорить о существовании в рамках сказкотерапии еще одного вида сказок, область применения которого достаточно широка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аникин В.П. Русская народная сказка. — М., 1984. — С. 69.
2. Вачков И.В. Сказкотерапия: развитие самосознания через психологическую сказку. — М.: Ось-89, 2007.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 4. — М., 1994. — С. 170.
4. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Путь к волшебству. Теория и практика сказкотерапии. — СПб, 1998.
5. Кротов В.Г. Массаж мысли. Притчи, сказки, сны, парадоксы, афоризмы. — М., 1997.
6. Литературный энциклопедический словарь. — 1988. — С. 383.
7. Наговицын А.Е., Пономарева В.И. Теория сказки и сказкотерапия. — Кн. 2. Типология сказки. — М.: Эксмо, 2010.
8. Нартова-Бочавер С.К. Народная сказка как средство стихийной психотерапии // Хрестоматия. Сказки народов мира. — М.: Институт практической психологии, 1996.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1986. — С. 625.
10. Пропп В.Я. Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В.Я. Проппа). — М.: Лабиринт, 1998.
11. Словарь русского языка. — Т. IV. — 1988. — С. 102.
12. Франц фон М.-Л. Психология сказки. Толкование волшебных сказок. Психологический смысл мотива искупления в волшебной сказке. — СПб, 1998. — С. 28—29.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СКАЗКА О ПРОФЕССОРЕ МЫШЛЕНИИ И ЗЛОМ ДРАКОНЕ

Профессор Мышление был очень-очень умным. Он интересовался всем на свете и искал знания по-

всюду. Когда ему удавалось добыть какие-то новые знания, он складывал их в королевскую Сокровищницу Памяти.

Как-то раз он отправился обследовать дремучий лес, росший на окраине Королевства Внутреннего Мира. Как обычно, профессора Мышление сопровождали два его верных помощника — **Анализ** и **Синтез**. А разведчик **Восприятие** был их проводником.

Разведчик Восприятие шел впереди, а потом возвращался и докладывал профессору, что он видел, слышал и чувствовал. Однажды, вернувшись из разведки, он сказал:

— Видел в лесу широкую тропу и сломанные деревья.

— Что еще? — спросил профессор Мышление.

— На тропе были следы от больших лап. Один конец тропы ведет к реке. А второй я еще не обследовал.

— Давайте проанализируем, — предложил Анализ. — Итак, мы имеем: тропу, на которой отпечатались следы, а тропа ведет к реке. Значит...

— Значит, — подхватил Синтез, — по этой тропе ходит большой зверь. Ходит он к реке на водопой. Тогда второй конец тропы ведет к его жилищу.

— Здорово! — восхищенно сказал проводник Восприятие. — Какие вы умные. Я бы не догадался!

— Ты же — Восприятие! — сказал профессор. — Ты только видишь, слышишь, получаешь информацию. А обрабатываю ее я, Мышление, с помощью Анализа и Синтеза. У каждого из нас своя работа.

— Тогда я пойду и посмотрю на жилище этого зверя, — сказал разведчик и ушел.

Некоторое время он двигался по тропе. Скоро он обнаружил, что тропа обрывается у входа в пещеру. Возле пещеры валялись обглоданные кости, а из темноты доносилось тяжелое дыхание и сверкали страшные глаза. Если бы это увидел профессор Мышление, он сразу бы понял, что зверь, живущий в пещере, свирепый и кровожадный, а значит, опасный. Но разведчик Восприятие умел только воспринимать. Он без страха заглянул в пещеру да так и замер, пораженный взглядом огромных красных глаз. Прямо на него выползал громадный Дракон. Его зеленая чешуя тускло поблескивала на солнце, а гребень на спине скрежетал, как старое железо на крыше. Из ноздрей Дракона вырывалось пламя. Он медленно повернул голову и раскрыл пасть, полную острых зубов.

— Я пока не буду тебя есть, — прорычал он Восприятию. — Ведь ты не один в моем лесу, верно? Скоро за тобой придут твои друзья, и я полакомлюсь всеми сразу.

Дракон оказался прав. Профессор Мышление, Анализ и Синтез, обеспокоенные долгим отсутствием Восприятия, отправились на поиски и скоро тоже оказались у драконьей пещеры. Увидев свирепого Дракона, профессор не испугался. Он был уверен, что Мышление всегда найдет выход из самого трудного положения.

— Вот вы и здесь! — проревел Дракон. — Я сейчас славно пообедаю.

— Мы пришли к тебе сами, — спокойно сказал профессор. — Дай нам шанс спастись. По старым драконьим обычаям ты должен загадать нам три загадки. Если мы не отгадаем их, тогда ничего не поделаешь — кушай нас на здоровье. Но если мы правильно ответим, ты должен будешь отпустить нас всех.

Дракону не очень понравились слова Мышления, но такой обычай действительно существовал.

— Ну хорошо, — прорычал Дракон. — Я загадаю вам три загадки. Их задавал один психолог. Я тогда не знал ответов, и мне пришлось его отпустить. Слушайте первую загадку:

Без чего безвкусной, пресной кажется нам наша жизнь?

Без чего любая песня нам не трогает души?

Без чего сердца не могут волноваться, трепетать?

Без чего любой в итоге может автоматом стать?

— Давайте проанализируем, — сразу же предложил Анализ. — Итак: что же окрашивает нашу жизнь, придает ей вкус, что позволяет переживать, слушающая хорошие песни, волнует нас, а отсутствие этого превращает нас в бездушную машину?

— По-моему, все ясно, — сказал Синтез. — Обобщая и собирая все эти признаки воедино, мы легко находим ответ.

— Конечно же, — закончил профессор Мышление. — Это эмоции, чувства.

Дракон недовольно пробурчал:

— Ладно. Первую загадку вы отгадали. Посмотрим, как справитесь со второй:

Сколько будет пять и пять?

Как щебечут птицы?

Почему легко узнать

Наших близких лица?

Все вопросы без труда

Я смогу отставить,

Потому что нас всегда

Выручает...

— В самом деле, ведь я знаю, что пять и пять — будет десять, — пробормотал Анализ. — И могу предсказать, как щебечут птицы. Что же мне помогает?

— И лица близких людей мы, конечно, сразу узнаем, — добавил Синтез. — Но почему?

И тут глаза Мышления сверкнули догадкой.

— Я понял! — воскликнул он. — Все это мы можем делать, потому что и правила сложения, и щебет птиц, и образы наших друзей — все это хранится в нашей...

— Памяти! — одновременно закончили его мысль Анализ и Синтез.

Дракон удивленно посмотрел на своих пленников, которые почему-то никак не хотели быть съеден-

Третий международный сказкотерапевтический фестиваль
«Психология сказки и Сказка психологии»

4—5 февраля 2011 года, Москва

Цель фестиваля — объединить усилия специалистов, занимающихся сказкотерапией в разных видах практики, поделиться опытом и определить стратегические направления деятельности психологов, использующих в своей работе сказку.

Организаторы фестиваля: Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России»; Международное Сообщество Сказкотерапевтов; Научно-образовательный комплекс «Психология» (Психологический институт Российской академии образования и Московский городской психолого-педагогический университет); Центр практической психологии образования.

К участию в фестивале приглашаются те, кто интересуется сказкотерапией и психологией сказки, — опытные профессионалы, начинающие специалисты, студенты и все неравнодушные к сказке.

Основные направления работы фестиваля:

1. Психологические ресурсы сказки и сказочной метафоры в работе с разными категориями.
2. Новые методы, приемы и направления использования сказкотерапии.
3. Использование сказкотерапевтических методов в здоровьесберегающих технологиях при работе с детьми и взрослыми.
4. Возможности сказкотерапии в психологической работе с педагогами и родителями.
5. Применение сказкотерапевтических методов в образовании и за его пределами.
6. Психология сказки и метафоры: теоретические и прикладные аспекты.

Формы работы фестиваля — доклады, мастер-классы, воркшопы, круглые столы, психотерапевтические сессии и сказочные встречи.

Материалы для сборника статей принимаются до 7 января 2011 г., **заявки на участие** — до 30 января 2011 года по e-mail: skazka@cppo.ru. Форма заявки для участия и подробная информация о Фестивале представлены на сайтах: www.rospsy.ru, www.cppo.ru

Тел.: 8 (926) 409-23-68 (Светохина Юлия)

E-mail: skazka@cppo.ru

Сайты: www.rospsy.ru, www.cppo.ru

ными. Уже две загадки из трех были угаданы! Дракон гневно выпустил пламя из пасти и прорычал:

— Ну что ж. Слушайте последнюю, третью загадку. Если вы не сумеете справиться с ней, я проглочу вас сразу, не дожидаясь обеда.

Вмиг раскрыть любой секрет,
 Справиться с вопросами,
 Правильный найти ответ —
 Ну конечно, просто мне!
 Разобраться, что к чему,
 Можно — без сомнения!
 Что угодно я пойму
 С помощью...

Дракон презрительно взглянул на пленников, уверенный, что уж с такой загадкой им не справиться. Но, к его удивлению, на лицах Мышления и его верных помощников расцвели довольные улыбки, едва он закончил говорить. Они все уже знали ответ.

— Такие трудные задачи действительно мне по силам, — с гордостью произнес профессор. — Разобраться, что к чему, конечно, смогу, потому что я и есть Мышление!

— Как? — взревел Дракон. — Ты — Мышление?

— Да. А ты сразу не догадался?

Дракон в ярости зарычал. Но нарушить данное слово он не мог. И хотя был очень голоден, он понял, что сегодня пообедать ему не придется.